

Интервью с Ю.А. Никитиной об особенностях публикации в международных научных изданиях

Юлия Александровна Никитина – доцент МГИМО МИД России, автор многочисленных работ по проблемам безопасности на постсоветском пространстве, деятельности Организации Договора о коллективной безопасности и Шанхайской организации сотрудничества. В последние годы она активно публикуется не только в отечественных, но и международных изданиях. В рамках проекта сравнительного изучения отечественных и зарубежных научных практик и внедрения передовых международных редакционных стандартов представители редакции журнала «Международные процессы» встретились с Юлией Александровной, которая любезно согласилась рассказать о своем опыте.

– Первый вопрос: как Вам кажется, в чём главное отличие между российскими и зарубежными журналами, западными журналами, с которыми Вы сотрудничали?

– Давайте начнём с формальных параметров. Первое отличие – это длительность публикационного цикла и тот период, который занимает непосредственно написание статьи. Если мы посмотрим с точки зрения автора, для российских журналов, как правило, не принижая достоинство российского академического сообщества, необходимо отметить, что написание статьи в целом занимает гораздо меньше времени, чем у зарубежных исследователей, которые публикуют свои статьи в западных журналах. В России этот процесс может занять месяц, а американские и европейские авторы, как правило, тратят год, полтора, может быть, даже два года на написание статьи. У них этот процесс состоит из нескольких этапов. Во-первых, это, скорее всего, выступление на крупной международной конференции, например, на конвентах различных международных ассоциаций; затем следует получение отзывов, внесение дополнений и выступление на следующей конференции, потом возможна публикация в качестве материалов этой конференции в сокращённом виде или где-то онлайн, и потом уже разработка черновика, который неоднократно обсуждается сначала с коллегами, а потом непосредственно направляется в журнал, где проходит стандартную процедуру рецензирования.

С точки зрения автора от момента появления идеи до публикации может пройти в среднем не меньше, чем полтора-два года. Западные авторы считают, что публикация одной-двух статей в год в крупном рецензируемом журнале – это даже много. По российским же системам отчётности по разным направлениям считается, что три ВАКовских статьи в год – это нормально, это уровень профессора. Соответственно, у западных исследователей количество продукта меньше по сравнению с ожиданиями российских университетов, министерств и ведомств. Это первый параметр.

Западная статья проходит гораздо больше кругов обсуждения. Российская статья – это, как правило, в лучшем случае выступление на конференции, причём чаще всего это выступление уже после публикации статьи – автор просто знакомит свою публику с результатом. Получается, что ответственность за содержание в российском случае лежит на авторе и на редакторах журналов, и редакторы российских журналов зачастую берут статью, как она есть либо рекомендуют исправить какие-то формальные вещи, например, оформление литературы или переструктурировать статью, написать подзаголовки, чтобы она лучше подходила.

В западном процессе рецензирования шансов, что статья будет принята, гораздо меньше. Как правило, по всем крупным журналам есть статистика. Процент отказов по гуманитарным наукам, по политологии, по международным отношениям – от 30 до 80% статей, и это считается нормальным, так как обеспечивает качество. Вместе с тем, количество журналов по международным отношениям настолько велико и они настолько специализированы, что свою нишу можно найти всегда.

В России отличие состоит в том, что у нас есть всего два-три крупных журнала, где публикуются исследователи со всей страны, либо вестники университетов, и там тоже можно редко увидеть тематические выпуски, и к этим публикациям редко кто имеет доступ кроме ваших непосредственных коллег, потому что чаще всего эти вестники просто стоят в библиотеках университетов.

С концептуальной точки зрения различие состоит в том, что, к сожалению, российские исследователи всё ещё считают допустимым повторять в своих публикациях для разных изданий одни и те же мысли, может быть, в слегка другом виде. Западный подход таков: если мысль изложена в одной статье, то дальше ни в каких других видах она не должна повторяться, только если это не разный тип публикации: допустим, сначала это публикация материалов конференции, затем статья по результатам конференции и,

возможно, далее книга, но тогда нужно дать ссылки на все предыдущие публикации. То есть считается, что одного раза достаточно, чтобы ознакомить публику со своими идеями. Это тоже существенное отличие.

Переходя к процессу непосредственного получения отзывов от рецензентов, я могу отметить, что существует анонимность – это важно – и к рецензентам обращаются не так часто, два-три раза в год. Это считается такой бесплатной обязанностью всех членов академического сообщества – написать рецензию на чью-нибудь статью по своей тематике. Для редакторов журналов сложность составляет найти специалистов именно по данной узкой теме, поэтому редактора ценят, когда те, к кому они обращаются за анонимной рецензией, соглашаются, потому что как правило установлены жёсткие сроки, в течение месяца нужно получить рецензию, и не все выдерживают эти сроки, соответственно, происходит затягивание решения о публикации или непубликации.

Пока автор не получит окончательного решения, он не может передать свою статью в другой журнал, предварительно внося какие-то изменения. Соответственно, процесс получения отзыва от журнала и его решения по публикации статьи для западных журналов занимает два-три месяца, и это хорошо, потому что даже известные американские исследователи жалуются, что есть некоторые журналы, куда они отдавали статьи, и процесс затягивался.

Один мой знакомый коллега сказал, что его абсолютный рекорд – больше двух лет. Редакторы на письма не отвечает, и в целом он считает, что данную статью уже можно похоронить, потому что она уже устарела. Такое случается даже с известными американскими экспертами, и они к этому относятся достаточно спокойно. То есть в целом система несовершенна.

Отзывы, как правило, бывают достаточно жёсткие, поскольку они анонимны, и степень подробности отзывов сильно различается в зависимости от квалификации эксперта, от того, сколько времени он готов потратить. Это может быть один или два абзаца: например, в целом всё хорошо, но вот здесь можно добавить ссылку на какую-то литературу – это положительный отзыв. Если готовится специальный номер журнала или если журнал выходит по результатам конференции, как правило, именно такие короткие отзывы и являются результатом. В целом, если статья нуждается в изменениях или если её отклоняют, то отзыв должен занимать хотя бы полторы страницы, и нужно хорошее обоснование того, почему статья не принимается.

Даже на международных конвентах, например, Ассоциации международных исследований, когда проводятся секции, на которых редакторы журналов объясняют для молодых исследователей что и как, они как раз дают не совсем формальный совет: можно отправить свою публикацию в журнал более высокого уровня, получить отрицательный ответ с рекомендациями, переделать статью и отправить в менее известный журнал, но уже в хорошем виде. Это такой бесплатный способ получить рекомендацию.

Но есть случаи, когда статью просто сразу отклоняют, не передавая рецензентам, там называемый desk reject. Это происходит из-за плохого английского языка или если статья явно не соответствует тематическим приоритетам журнала. Таких отклонений тоже может быть достаточно, около 20%, если не больше. Работа редактора считается достаточно престижной, но в то же время неблагодарной, потому что занимает много времени, необходимо быть в контакте как с авторами, так и с рецензентами, постоянно следить за тем, чтобы все вовремя друг другу ответили. Это занимает много времени, поэтому редакторы тоже больше ограниченного количества лет не готовы нести эту нагрузку, которая в какой-то степени воспринимается как общественная, хотя она достаточно престижна.

– Когда Вы готовили свои публикации, сколько раз приходилось «прогонять» их через конференции?

– По-разному. В целом получалось, что один раз я представляла на конференции какой-то материал, и потом я его дорабатывала для статьи. В среднем, доклад на конференции на 2/3 составлял основу будущей статьи. В одном случае полностью был взят текст статьи с небольшими доработками, потому что такова была политика редакторов, они взяли материалы конференции и сделали юбилейный выпуск к 20-летию распада СССР. Специальной подборки они не искали, поэтому ситуация упростилась.

В другом случае я не обсуждала статью на конференции, это было по сути изложение моей кандидатской диссертации. Вся кандидатская диссертация уместилась в одну статью, хоть и объёмную, и по большому счёту второй раз эти идеи уже нигде представить нельзя. Это, конечно, разочарование для российских исследователей, что три года работы превращаются в одну западную публикацию. В России, наверное, можно сделать штук пять.

– Как Вы выбирали журналы для своих публикаций?

– Я бы не сказала, что у меня был большой выбор. В основном процесс публикации происходил благодаря моему участию в конференциях, в

которых также участвовали либо представители журналов, ответственные за какие-то рубрики, либо редакторы, поэтому был некий предварительный отбор не только моих статей, но и статей других участников. Поэтому можно считать, что это не было случайностью, тематика была изначально понятна.

Мне кажется, что такой способ достаточно распространён и в западных странах. Те, кто участвует в одной тематической секции, договариваются о тематическом выпуске и затем публикуют свои работы. Без предварительной договорённости рассылают статьи, как правило, либо аспиранты, либо те, кто выполняет исследование по гранту: им нужно опубликовать результаты проекта, и тогда они ищут возможности публикации. Но, как мне кажется, большую роль играет включённость в определённое сообщество.

Если в каком-то журнале публикуются авторы определённого круга, исследовательского сообщества, то, скорее всего, именно им на рецензию и будет отправлена ваша статья. Хотя рецензирование и анонимное, если вы включены в процесс, то вероятность успеха повышается. Если российские исследователи не ездят на зарубежные конференции и не понимают, какая проблематика сейчас актуальна, то процесс усложняется во много раз. То есть мне кажется, что участие в конференциях – та часть процесса, которая упускается из вида российскими властями: считается, что, сидя в российских университетах, можно спокойно публиковать статьи в западных журналах. На мой взгляд, это всего лишь второй этап после предварительной деятельности по обсуждению своих идей в рамках научных конференций международного характера.

– В России иногда поднимается вопрос относительно политического фактора и идеологической направленности журналов. Насколько зарубежные журналы открыты для альтернативных точек зрения, в том числе для российской?

– Я бы сказала, что есть открытость. Наверное, какие-то ограничения могут быть для журналов, ориентированных на политиков, принимающих решения, но тогда это не научные журналы, и туда действительно трудно будет отправить чисто пророссийскую статью. Хотя, с другой стороны, наши представители политического истеблишмента типа Лаврова публикуют статьи в западных изданиях по понятным причинам без всяких проблем.

Речь тут скорее идёт о качестве статей. Возможно, российские исследователи немного лукавят, говоря, что их статьи не приняли по политическим соображениям, а на самом деле просто не были соблюдены какие-то

формальные моменты. Может быть, это недостаточно хороший английский язык, или мысли структурированы по российской, а не по западной логике. У нас действительно очень сильно отличается структура статей, манер подачи информации, как и объёмы.

В этой связи мне кажется, что ограничений, связанных с форматом, гораздо больше, чем ограничений, связанных с содержанием. Если это научная статья, то на фамилию автора, на страну его происхождения никто не будет смотреть, тем более что это анонимное рецензирование. Наоборот, я слышала, что представители некоторых британских или восточноевропейских журналов говорят, что им как раз не хватает авторов из России и хотелось бы иметь более широкое представительство. В этом смысле даже, возможно, будет какая-то позитивная дискриминация, чтобы журнал показал, что у них есть широкая корзина авторов.

– Как Вы учились писать в западном формате?

– Тут большую роль сыграло образование, полученное в МГИМО. Во-первых, это уровень преподавания английского языка сначала на 1-й английской кафедре, затем на 7-й. Мы действительно учили различные клише и структуры, которые употребляются в английском языке. Если идёт дословный перевод с русского, как правило, текст получается нечитабельным для англоязычной аудитории.

Второй аспект – навыки критического мышления, полученные в российско-французской магистратуре совместно со Сьянс По. Российская школа скорее ориентирует на анализ фактов, на прикладной анализ. Навыки, полученные благодаря французским преподавателям во французской магистратуре, позволили понять, что на одно и то же событие может быть несколько точек зрения, и все они имеют равное право на существование. Для российских студентов это было своего рода шоком, долго пришлось к этому привыкать.

Нынешние студенты относятся к этому гораздо спокойнее и умеют высказывать альтернативные точки зрения, но для меня в своё время это было своеобразным прорывом. Французы также учили нас формулировать то, что называется проблематикой, то есть постановка проблемы. Именно этот навык формулировки красивых подзаголовков и заголовков очень ценится. Как названа статья, как названы подзаголовки, какие проблемы сформулированы – это то, что придаёт новизну. В целом описание новых фактов, особенно в исследованиях международных отношений, не является чем-то, что позволяет обеспечить конкурентоспособность. Скорее нужны

новые подходы, новые постановки проблем или новые методы исследования, которые в России не очень широко распространены: опросы, интервью с поездкой в места конфликтов, допустим. У нас на это не выделяют средства, и методика не разработана, в основном этим у нас занимаются только социологи.

Что могут привнести российские исследователи? Я не уверена, что применение западных теорий к российским реалиям сработает. Конечно, они свои собственные теории знают гораздо лучше, у нас просто нет доступа к библиотекам, поэтому мы наверняка не процитируем какую-нибудь очень важную работу, и рецензент обязательно отметит, что автор недостаточным образом изучил литературу. Соответственно, остается средний уровень анализа, это не большие парадигмы, может, даже и не теории среднего уровня.

Это скорее анализ местных реалий с попыткой интерпретации для западной публики, исходя из местной ситуации. Всё, что мы можем сделать – исходить из местного контекста, который никаким западным исследователям, даже тем, кто приезжает сюда для дополнительных исследований, недоступен. Они не могут понять причину принятия тех или иных решений, существования тех или иных практик, соответственно, такое толкование этих реалий – та ниша, которую можно сейчас занять с последующим выходом на определённую теоретизацию.

Возвращаясь к форматам и навыкам, это навыки структурирования текста. Мне очень помог проект РСМД «Глобальная наука». В рамках Российского совета по международным делам была предпринята попытка дать возможность молодым исследователям воспользоваться помощью американского литературного редактора для того, чтобы она поработала со статьями и помогла редактировать и структурировать текст. Основная мысль достаточно простая, но тем не менее, её высказала эта редактор, Натали Рейд: прежде чем что-то писать, обязательно посмотрите, в какой журнал вы будете писать. Не пишите статьи абстрактно.

Выберите журнал, прочитайте их статьи за последние несколько лет, убедитесь, что их редактирует тот же самый редактор, который сейчас находится на этом посту, потому что каждый редактор привносит что-то своё, и чётко следите за форматом. Если принято давать несколько подзаголовков, сделайте точно такую же структуру; если принято называть работу article, называйте это так; если принято называть работу paper, называйте только так; принято от первого лица писать – хорошо, нет – не

используйте. Это, казалось бы, мелкие факторы, но они иногда бывают раздражительными для редакторов, и если их нет, шансы повышаются.

Нужно изучить, что уже писали до вас и что может быть интересным. Просто посмотрев выпуски журнала за последние несколько лет, вы определите, стоит ли туда отправлять статью, будет ли она принята и насколько она вообще интересна для редакторов. Если за последние два-три года публиковалось что-то похожее, если схожее название, то, скорее всего, не возьмут, насколько бы интересна ваша статья ни была. Соответственно, ищите какой-то другой журнал.

То есть большая роль отводится предварительной подготовке ещё до написания. Если у вас есть какая-то основа, предлагается больше внимания уделять адаптации текста статьи к формату конкретного журнала. Если один журнал отказал, нужно достаточно сильно переделать статью и отправить в другой журнал исходя уже из их проблематики и приоритетов. Это тоже занимает достаточно большое количество времени, и это нужно учитывать. Нельзя одну и ту же статью без изменений просто отправить в другой журнал, это считается в какой-то степени неприличным. Адресная работа с конкретным изданием, вы тем самым показываете своё уважение к нему.

– *Касательно языка, за исключением этого случая приходилось прибегать к какой-то внешней помощи, то что называется proof-reading?*

– Нет, в других случаях не приходилось. В целом, статьи принимались без каких-то дополнительных проблем, то есть некоторые слова поменяли на синонимы, где-то, может быть, исправили артикли. Это касалось американских журналов, возможно, просто они привыкли публиковать статьи иностранных авторов, поэтому у них несколько снижены требования к иностранному языку.

У меня был опыт написания главы к книге, которая публикуется под эгидой МИД Финляндии. Там большое внимание было уделено языковой стороне, был нанят специальный редактор, который занимался правкой языка. Там правок было много. Это было ближе к британскому английскому и к тому, чему собственно учат на наших кафедрах МГИМО: очень правильный, хороший язык официальных документов с красивыми терминами. Так текст будет выглядеть гораздо лучше, но вопрос в том, насколько это является необходимым. Мне кажется, что на сто процентов назвать это необходимым нельзя. Если исследователь достаточно бегло говорит по-английски и читает профессиональную литературу, то он, скорее всего, владеет лексикой, и

проблем не будет. Но если исследователь просто переводит текст русскоязычной статьи на английский, тогда редактор обязательно необходим.

Я сразу все статьи писала по-английски. Я даже не пыталась создать что-то на русском языке, я просто сразу пыталась сформулировать мысли на английском с точки зрения логики языка. Это занимает гораздо больше времени. В среднем на один абзац доклада для конференции у меня уходил примерно час. Соответственно, исходя из этого, можно посчитать, сколько занимает написание статьи. Но таким образом избегается двойная работа: сначала на русском языке, а потом перевод на английский и работа с редактором.

Чаще всего возникает проблема с логикой. Это возникает и на русском языке, но этому просто не уделяют большое внимание. Иногда непонятна логическая связь между абзацами, между отдельными предложениями. Что-то кажется автору самоочевидным, какие-то даты, факты, а для иностранного читателя их нужно пояснить.

– Как Вам кажется, насколько существенна разница между американскими и европейскими изданиями?

– Мне сложно судить, потому что все мои статьи были опубликованы в американских изданиях. Мне кажется, что европейцы, в какой-то степени пытаясь конкурировать, могут делать более узкоспециализированные журналы с какими-то чисто тематическими ограничениями.

Возможно, я бы добавила, что европейские журналы больше привязаны к местным сообществам и университетам, в то время как американские журналы более интернациональны. Но здесь тоже нужно смотреть на фамилии авторов и их аффилиацию, это может дать какую-то статистику за последние несколько номеров, откуда были авторы. Если это только британские авторы в британском журнале, то шанс попасть в такой журнал достаточно мал; соответственно, если авторы из разных стран, то можно подавать туда статьи.

И мне кажется, что европейские журналы относительно менее популярны в исследовательской среде, то есть читают их только свои. Наверное, здесь ситуация несколько похожа на Россию: российские журналы ориентированы только на внутреннюю публику, как и болгарские или румынские журналы, даже если они выходят на английском языке.

С британскими журналами особая ситуация, но по международным отношениям, как мне кажется, тоже в основном свои пишут для своих с попыткой как-то конкурировать с американскими журналами. Но не знаю, насколько им это удаётся.

Можно сказать, что в Европе более академические исследования и подход. Можно провести такую аналогию, что европейские журналы – это как журналы институтов Российской академии наук, а американские журналы скорее будут независимыми площадками для экспертных публикаций.

– Насколько было полезно работать с рецензентами, и было ли что-то, что рецензенты написали, а Вам это открыло глаза или, наоборот, Вы были с этим несогласны?

– Было и то, и другое. В одном случае рецензент просто высказал свою точку зрения, с которой я была несогласна. То есть с частью замечаний я согласилась, а по поводу одного замечания написала развёрнутый ответ редактору, что вот это замечание я не могу принять по таким-то и таким-то основаниям. Редактор сказал, что понял мою точку зрения, и я могу изложить свой подход, и принятие точки зрения рецензента не является обязательным.

В других случаях просто были сделаны добавления, что хорошо бы ещё включить такие-то пункты. Опираясь на свой опыт обсуждения письменного текста на международной конференции, могу сказать, когда были даны комментарии именно по тексту. Здесь было интересно то, когда брался какой-то спорный пункт из текста, и рецензенты объясняли, что по этому пункту есть такие-то точки зрения, обратите внимание, что это действительно спорный пункт, найдите больше доказательств для обоснования этой точки зрения. В моём тексте указали на пять-шесть таких моментов, которые были, в общем, даже при написании мне очевидны, но когда тебе подтверждают, что нужно больше аргументации, это сильно помогает доработать текст.

Процедура рецензирования учит возвращаться к тексту, потому что в российской научной культуре не очень принято свой текст неоднократно переписывать. Возможно, этим всё ещё занимаются аспиранты, хотя это тоже зависит от научного руководителя, но дальше этот навык уходит и считается, что первая версия уже достаточно хороша для публикации. Тем не менее, текст можно действительно значительно улучшить благодаря комментариям, я убедилась в этом на собственном опыте.

Я пока не встречала каких-то супергениальных комментариев, которые бы что-то отвергали или представляли какую-то иную точку зрения. Просто если уже включаешься в какое-то сообщество, можешь наблюдать средний уровень аргументов. На это уходит какое-то время – год, два, три – чтобы выйти на этот средний уровень и уже понимать, как тебе могут возразить, по какому поводу, где мнение, а где фактологическая ошибка или неправильное применение какого-то метода.

К сожалению, это всё достижимо только включённостью и неоднократным участием в международных мероприятиях и обсуждениях доклада, что тоже не так часто встречается в российском сообществе: у нас на конференциях после докладов практически не оставляется время на обсуждение, на критические комментарии. Критические комментарии в России воспринимаются как личные нападки, а не советы коллег по улучшению текста. То есть другое чисто психологическое отношение в какой-то степени мешает научному развитию.

– *Сколько времени уходило на этот процесс переработки текста?*

– Конечно, меньше, чем на написание статьи, но при работе с американским языковым редактором приходилось переструктурировать какие-то фразы, искать дополнительную информацию. Когда я получила замечание по своей главе в книге от редактора, мне пришлось существенно переделать текст, половину сократить, половину дописать. Тут всё зависит от того, есть ли какая-то поставленная задача: допустим, это коллективное издание, и нужно соблюдать какой-то общий формат. А если это статья в журнале, на размышления об исправлениях и их внесение больше недели не уходит.

– *А есть ли какие-то лимиты, которые ставит издательство после получения рецензии?*

– Тоже месяц: месяц на получение отзыва, потом он переправляется, если вердикт – принять после незначительных изменений – то просят в течение недели-двух, но неформально. Формальное ограничение где-то около месяца.

После этого сам процесс издания может занимать до полугода работы с редактором, который работает с форматированием. Если через полгода после одобрения будет издана статья, это вообще хорошо. В целом, мне как-то везло: больше, чем полгода от момента подачи рукописи до её публикации не проходило. В лучшем случае это было около трёх месяцев.

– *Скорее нормативный вопрос: Вы говорили в том числе о французском опыте. Но во Франции, например, научное сообщество не очень сильно интегрировано, не очень часто пишет на английском языке. В России сейчас активно эта идея прививается, в значительной степени государством. Насколько это действительно нужно?*

– По-разному можно к этому подходить. Сейчас идёт очень большое сопротивление со стороны российских исследований при попытке государства переписать индекс Хирша, количество статей и количество цитат. Просто долгие годы этого никто не требовал, а перестроиться за короткий срок невозможно: эта перестройка должна занимать не меньше пяти лет, а от нас требуют немедленного результата уже в этом году, нужно что-то опубликовать и увеличить индекс цитирования.

Так что мне кажется, это государство ставит цели, не совсем соотнося их с тем временем, которое исследователи могут потратить на их реализацию. Мне кажется, что в целом включаться в международное сообщество нужно; другое дело, что включаться нужно не только в западное, но и в азиатское сообщество. Наверное, нам будет проще, если мы будем что-то публиковать совместно с представителями из Центральной Азии, из Белоруссии, даже из Китая, из Латинской Америки. Тут мы находимся примерно на одном уровне. Мы можем друг друга понять, и подход к публикациям у нас очень похож.

Если включаться в американско-европейское научное пространство, куда также входят представители ведущих азиатских университетов, нужно учитывать, что, во-первых, все ведущие западные журналы очень разнородны. Это огромное количество журналов, и всегда можно найти те, которые не имеют очень высокого индекса в базах данных типа Scopus или Web of Science, но при этом в них опубликоваться достаточно просто. Наверное, можно начинать с таких журналов. До ведущих журналов нам, конечно, пока ещё очень далеко, потому что мы включились в эту конкуренцию гораздо позже. Но без конкуренции, как это ни печально признавать, существенного продвижения добиться будет сложно, чтобы это было не просто мнение.

Выступления на наших научных конференциях по-прежнему остаются на уровне обмена мнениями. Это могут себе позволить политики и бывшие политики на каких-то практических конференциях, но исследователи всё-таки должны иметь какие-то дополнительные обоснования. Они должны быть способны объяснить при помощи теории, определённой методологии, каким образом они пришли к этим выводам. Пока что в гуманитарных, социальных науках мы не полностью вышли на этот уровень, прежде всего, в

международных отношениях, где скорее происходит обмен экспертными мнениями, а до уровня научного сообщества по международным отношениям мы ещё не доросли. Это было бы возможно именно благодаря включению в международное сообщество.

По другим направлениям, например, по математике, по физике, ситуация всё-таки отличается. Эти учёные всегда были включены, ещё в советское время со стороны Запада к ним проявлялось внимание: публикации советских учёных на русском языке искали, переводили. Но я не вижу какого-то большого желания переводить русские статьи на английский язык сейчас. Есть такие дайджесты, допустим, *Russian Politics and Law*, которые занимаются отбором русскоязычных статей из ведущих журналов и сами переводят и публикуют их, чтобы у западных исследователей, не говорящих по-русски, было какое-то представление. Подозреваю, что этот журнал не очень популярен и интересен скорее узким специалистам. Может, такой переходный период как инициативы по переводу российских статей в подобных дайджестах сработал бы. Единственный плюс, который я здесь вижу – это приобщение к большому количеству уже существующих идей и, возможно, обогащение какой-то проблематики, обсуждаемой в России.

У нас есть ориентация на то, чтобы всю жизнь специализироваться на какой-то одной проблеме, и для меня сначала было большим сюрпризом, когда, встречая одних и тех же людей на международных конференциях через полгода или год, я слышала от них один и тот же вопрос: над чем Вы сейчас работаете? Сначала я не понимала, как же так, я ведь занимаюсь тематикой, например, ОДКБ и ШОС, и ничего нового у меня не произошло, я по-прежнему являюсь экспертом именно по этой проблематике. А потом понимаешь, что речь идёт о каких-то проектах, новых исследованиях, что, изучив один раз какую-то тему и потратив на это, допустим, три-четыре года, исследователь переходит к изучению нового проблемного поля и изучает его, пока не придёт к какому-то основному выводу, опубликует книгу, статью и считает, что на этом работа завершена, можно идти дальше. Наверное, надо переходить на такую систему: не всю жизнь писать на одну тему, а заниматься проектной исследовательской работой. Тогда между российскими исследователями начнётся конкуренция; пока её меньше, чем хотелось бы.

– Спасибо.